

Валерий Иванович Богушев родился в 1958 году в Калининграде. Окончил Воронежский политехнический институт. Работал инженером геологоразведочной экспедиции на Крайнем Севере, инженером-конструктором новых моделей электронной техники. Автор книг прозы «Хозяин Вселенной», «Сюжеты», романа «Путешествие в несбывшееся» и др. Публиковался в литературных изданиях Воронежа, Москвы, Сарова, Хабаровска. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Валерий Богушев

НОРВЕЖСКАЯ СЕЛЕДКА

Рассказы

С работой в девяностые было плохо, поэтому когда Песцову предложили место учителя в интернате, где жили дети из неблагополучных семей, он сразу согласился. Он и не подзревал, какая опасность подстерегает его в первый же день.

Через два часа занятий Миша Ряднов спросил:

— Папа, а нас кормить будут?

— У вас уже был завтрак, — ответил Песцов, немного польщенный, что его называли так ласково.

— Нам полагается еще и второй.

— Ладно, пойду узнаю. Только сидите тихо.

Дмитрий Васильевич пошел выяснять в столовую и вскоре вернулся с подносом, уставленным стаканами с молоком, накрытыми теплыми румяными булочками.

И только тут понял, какую допустил оплошность. Все пятнадцать воспитанников вскочили с мест и с воплями бросились к нему. Его сбили с ног и могли бы запросто затоптать, если бы поднос не отлетел в сторону и толпа не бросилась за добычей, пытаясь схватить на лету булочку или стакан. Когда он поднялся, от булочек не осталось ни крошки, а на полу растекалась белая лужа со стеклянными осколками, и Миша сидел рядом, допивая последний из чудом спасенных им семи стаканов.

— Тебе плохо не будет? — изумился Песцов.

— Нет, папа, ему хорошо, — ответил за Мишу, который не мог вымолвить ни слова, Семен Коркин.

Теперь Дмитрия Васильевича окончательно признали за своего. С легкой руки Ряднова воспитанники, у которых отцы скитались кто в неведомых далях, кто по тюрьмам, стали называть его папой.

«Папа, можно выйти в туалет?» — спрашивали они. Или: «Папа, у меня голова болит, можно я не буду отвечать?»

На Новый год спонсоры решили организовать праздничный обед. В актовом зале вокруг елки расставили столы, а на них чего только не было — окорочка, салаты, нарезанные ломтиками ветчина, соленая форель, осетрина и семга, бутерброды с красной и черной икрой, вазы с виноградом, апельсинами и шоколадными конфетами. После приветственных слов, раздачи подарков и небольшого концерта было разрешено сесть за столы.

Главный организатор праздника предприниматель Матвей Снегирев поразился, с какой быстротой все исчезло со столов. Когда есть уже не было сил, мальчишки стали набивать карманы конфетами и фруктами.

— Да не беспокойтесь, вам упакуют еду с собой, — говорил Матвей, проходя вдоль столов, но его никто не слушал.

— Видите ли, Матвей Константинович, — сказал Песцов, — у большинства наших подопечных было голодное детство, они теперь долгое время будут стараться сделать запас продуктов на завтрашний день, даже если в этом не будет никакой нужды.

Между тем на столе осталась только жирная крупная норвежская селедка.

Сеня Коркин распаковал только что подаренную американскую белую рубашку из дорогого шелка, снял форменную куртку и надел обную поверх футболки. Она оказалась в самый раз. Затем Песцов и Снегирев, одобритительно посматривавшие на Сеню, с ужасом увидели, как тот засовывает за пазуху огромную сельдь. При этом хвост уперся ему в подбородок под расстегнутым воротничком. Вмешиваться было уже поздно, и все только уныло наблюдали, как на изысканном, ослепительно белом шелке расплывается большое жирное пятно. Дорогая рубашка, скорее всего, была испорчена навсегда.

— Как фамилия этого чудика? — спросил Матвей. — Коркин? Я сейчас...

Он подозвал официанта и вместе с ним подошел к покрасневшему Сене.

— Послушай, Коркин, вынь селедку, тебе ее сейчас завернут в лучшем виде и принесут в пакете.

Но Сеня наотрез отказался отдать рыбу. Так и ушел с селедкой под рубашкой...

— А где же Коркин? — спросил Песцов на следующее утро перед началом урока. — Неужели объелся селедкой?

— Нет, папа, он селедку на всю комнату поделил, — ответил Збруев, рыжий веснушчатый мальчик. — Мы ее с хлебом съели, когда проснулись. К нему сегодня мать обещала приехать, вот он ее и караулит на лестнице, чтобы не пропустить.

— Черт знает что такое, — проворчал Дмитрий Васильевич. — Пойди, скажи ему, чтобы немедленно шел на занятия.

— Да бесполезно. Он не слушает. Сами попробуйте.

— Ладно, я сейчас вернусь. Всем сидеть тихо.

Коркин стоял у окна лестничной площадки между первым и вторым этажом и с отрешенным видом смотрел на заснеженный двор.

— И что ты тут стоишь? — строго спросил Песцов. — Немедленно отправляйся в класс.

— Нет, папа, я не могу. Моя мамка может в любой момент появиться. Я ее тут буду ждать.

— А если она только к вечеру приедет, что же ты так и будешь стоять?

— Ну и что, постою.

— Может, она совсем не приедет.

— Нет, она обещала, — ответил Сеня, не отрывая глаз от обледенелого тротуара, по которому шли редкие прохожие.

— А где же она живет?

— В N, — Сеня назвал отдаленный районный центр.

— Ну ладно, стой, если нравится, — махнул рукой Дмитрий Васильевич.

Мать Коркина приехала только к обеду. В окно было видно, как пацан без куртки выскочил встречать на улицу худощавую женщину в старом пальто с холщовой сумкой в руке, как она обняла его и поцеловала, как покраснели ее веки. У нее было осунувшееся, испытанное лицо, когда-то не лишнее привлекательности.

Дмитрий Васильевич, глядя на эту семейную идиллию, едва не прослезился сам, поспешно отвел взгляд и зашагал по коридору по своим делам.

ДОЧЬ КАПИТАНА

(Из цикла «Родина предков»)

Детям войны посвящается

Время летит быстро, оставляя порой памятные вехи, по которым только и можно, оглянувшись, увидеть прочерченный пунктирной линией путь. Минуло уже пятнадцать лет со времени той командировки в Калининград, а многое помнится, как будто было вчера.

Наконец-то пригодился оформленный давно «на всякий случай» загранпаспорт. Пересек на поезде три границы когда-то единой страны. Через сутки пути вечером на литовско-белорусской границе в купе вошла красивая высокая белокурая девушка-пограничница в форменной зеленой мини-юбке и белой рубашке, с висящей сбоку на небрежно болтающемся кожаном ремне кобурой. Она рассматривала мой загранпаспорт, а я с безотчетным любопытством ловил высокомерный взгляд ее ослепительно голубых глаз и косился на отливающий металлическим блеском пистолет, выглядывающий из кобуры.

Солнечным утром с дорожной сумкой в руке не без волнения ступил на землю родного города. Почти одновременно на соседнюю платформу прибыл поезд «Берлин — Калининград», о чем приятный женский голос объявил по радио.

На остановке в автобус вместе со мной сели с большим чемоданом на колесиках женщина постарше меня и девушка лет двадцати пяти, по видимому, ее дочь. Мы стояли рядом на задней площадке. Попутчицы всю дорогу с любопытством смотрели в окно, что-то показывали друг другу и оживленно разговаривали на немецком.

Подумалось, что это символично — я, русский, и немка с дочерью одновременно приехали на родину спустя много лет с одинаковыми чувствами любопытства и ностальгии.

Немцев начали депортировать из Калининградской области через два года после Победы, а закончили в пятьдесят втором.

Несколько позже появился на свет автор этих строк, который волею обстоятельств в возрасте одного года покинул родной город, не успев полюбоваться балтийскими закатами.

О, это особенное чувство — очутиться на родине много лет спустя! В Калининград влюбился с первого взгляда. А может, был влюблен в город заранее, много лет ожидая встречи с ним. Просто никак не представлялось случая посетить.

Устроившись в гостиницу, отправился на недавно построенный на окраине завод. Коллеги показали просторные цеха с конвейерными линиями, на которых работали улыбочивые и разговорчивые рабочие — молодые парни и девушки. Затем на совещании обсудили технические проблемы, сопутствующие освоению серийного производства.

В обеденный перерыв позвонил тете Маше, сестре отца, которую ни разу не видел, точнее, видел, когда мне не было года от роду, и договорился о встрече. Хотелось о многом расспросить ее.

После работы отправился в гости. Взял коробку конфет «Никитинские», купленную в Воронеже, прихватил еще в супермаркете шампанское, бананы, нарзан и сыр и пошел разыскивать нужный адрес.

Тетя Маша жила в двух шагах от места, где родился немецкий философ-идеалист Иммануил Кант, который двести с лишним лет назад каждое утро в одно и то же время гулял по близлежащим улочкам, мощенным булыжником.

Нажал на кнопку звонка. Открылась дверь. Тетя оказалась похожей на моего отца. Узнали друг друга по каким-то родственным чертам, хотя не виделись пятьдесят лет. Обнялись.

— Мой руки и проходи к столу, я картошку пожарила.

Шампанское открывать не стали, оба были взволнованы и растроганы. Мария Ивановна рассказывала про свою жизнь, найдя в моем лице самого благодарного и внимательного собеседника, который ловил каждое слово.

— Я в Калининград приехала в сорок девятом году. С Александровки Донской, или, как ее все называли, А-Донской, меня вытащил брат Ваня, твой отец, оформил вызов. Приехала с его друзьями, возвращавшимися из отпуска. Как раз открывали курсы водителей трамвая. И я пошла учиться. Вот так моя жизнь начиналась в Калининграде.

Первый у меня был трамвай с номером 137, без прицепа, одиночка. Пацаны облепят вагон, пованешаются сзади, он, как утка, нос поднимет, а сцепка тарахтит по камням. Я выйду, предупрежу:

— Я за вас не отвечаю, отвечаю только за то, что впереди видно. Чего вы липнете? Я понимаю, что вам надо ехать на работу.

— Ой, мы будем аккуратно, только езжайте.

Вспомнишь, тяжелое время было.

— Трамваи трофейные? — поинтересовался я.

— Мой 137-й полностью немецкий, отремонтированный. Трамвай — транспорт бедняков, рабочего класса. Сейчас как стало: этот достоин, а этот недостойн. Придет время — все будут достойны.

Через год закрепили за мной и Клавой только что отремонтированный на судоремонтном заводе трамвай — двойку. С Клавой мы были бе-

ленькие обе, похожи. Подобрали же вот! Я сколько лет работала на этой двойке — и ни одной царапинки. Безаварийная. Он так выделялся — среди голубых был один красный. Многие завидовали, что дали нам с Клавой этот трамвай. Всегда протирали от пыли. Паша, кондуктор, тоже из деревни, пухленькая, рыженькая, внутри в салоне убирает, а я снаружи. Выедем, у нас трамвай блестит!.. Потом перешла в службу энергохозяйства дежурным электриком подстанции. Курсы прошла, экзамены, техминимумы сдавала... Да ты накладывай еще картошку.

— Спасибо.

— Папа, Иван Романович, был капитаном речного пароходства. Носил черный китель с золотыми пуговицами. Теплоход назывался «Решающий». Белый, пассажирский, с верхней палубой. На палубу могли пассажиры выходить. Курсировал от Лисок до Богучара и еще дальше. На зимовку становился в Павловске.

Все пассажирские теплоходы — «Решающий», «Роза Люксембург» — были белой краской крашены, а грузовые, которые баржи таскали, — желто-коричневой. Смотришь, «Пережат» тянет баржу — ну, труженик идет! На Дон ходили купаться, сядешь на берегу и наблюдаешь.

Сначала отец поступил на баржу. Потом каждый год зимой ездил на курсы в Ростов и стал капитаном. Четыре класса образования, а у мамы — ни одного класса.

В войну и после войны голода были какие! Неурожай. Выжили. Кто как мог. С Ваней соберемся, пойдем в лес. Где листик какой-то жуем, где корешок. Рыбу начала удить. Не помню, откуда крючок взялся, — тетя Маша засмеялась. — Ой, мама меня так ругала: «Это мальчишки рыбу ловят, а ты девочка!..»

Рыбу ловить научили матросы, когда отец взял в плавание на неделю. Мне лет десять было. Помню, как отец подавал команды в машинное отделение: «Полный вперед!», «Тихий ход».

К возвращению отца мама обычно приготовит закуски, водки купит. Гости придут — мамыны сестры с мужьями. А мы на печке сидим с Ваней, смотрим на них. Со взрослыми за стол не садимся.

Началась война. У отца была бронь, и он до последнего работал на «Решающем». Летом 1942 года немец подходил, бомбил теплоход, когда тот шел рейсом с Лисок. Во время налета ранило старшего механика, его друга. Отец дал радиogramму в пароходство. Пришла команда пассажиров высадить, а судно затопить в глубоком месте, где растет лес по берегам, чтобы немцы с самолетов не обнаружили.

Когда фрицев прогнали, теплоход подняли, восстановили. Помню, собираю дрова в прибрежном лесу — «Решающий» приближается: я его по мотору уже узнавала...

После затопления теплохода папа отшагал лесом в А-Донскую почти восемьдесят километров. Появился дома босиком — ноги сбиты, ботинки в руках, заросший, голодный. Первым делом умылся, мать накормила, смазала ноги. День и ночь пробыл дома.

Мы в окопе уже больше жили. На улице у соседнего дома вырыли окоп, сделали потолок из бревен в несколько накатов, а сверху насыпали землю. Дверей не было. Чуть ли не вся улица спасались там от осколков.

Мама последний месяц ходила беременной. Наутро отец проводил нас в окоп и пешком ушел добровольцем в Павловский райвоенкомат. Это в семи километрах от нашего села. Знакомые видели, как он сидел, ждал

отправки. Грустный, простужен, ячмень на глазу. Потом долго восточки от него ждали.

Вскоре родилась девочка, назвали Валей...

Через Дон не прошел немец, закрепился на правом берегу в Белогорье и обстреливал из миномета. Погибла женщина с ребенком. Побежала прятаться на ветряные мельницы во время обстрела. И осколком попало в ребенка. Сама осталась жива. Сколько было крику! Если бы не ребенок, убило бы ее.

Вспоминается, как мы в окоп бежали. Ваня впереди с пеленками, мама с ребенком на руках и я. Постелем тряпки на земле. Бывало, что и ночевали там, когда стреляли. Валя, трех недель отроду, вздрагивала от взрывов. Такая стрельба была! Сыро, лягушки прыгали, а мы сидим.

— Бомбили А-Донскую немцы?

— Из минометов обстреливали. Мы как-то с Ваней решили пойти за огурцами — возле мельницы были колхозные бахчи, все равно пропадали. Маме не сказали. Немец в бинокль, наверное, следил за мельницей и открыл огонь по нам. Мины визжали выше головы. Но в нас не попали.

— Огурцы хоть собрали?

— За пазуху набрали, — смеется. — Бежим, огурцы держим, а они колотятся под рубашкой. Ох, господи, вспомнишь детство! Ничего хорошего не видели. Мы только пришли — и стрелять начал по нам немец, по детям. Все помню.

В два месяца младшая сестра Валя заболела коклюшем, спасти не удалось. Война, ни врачей, ни лекарств. Хорошая была девочка.

Немец задержался, гад, до зимы. В начале сорок третьего только их погнали.

Письма от отца редко получали. В последнем письме написал: «Молитесь богу, чтобы я остался жив». А раньше никогда не слышали, чтобы он вспоминал бога. Пошел в наступление и пропал без вести. В конце 1943 года на серой толстой бумаге пришло извещение. А мы все ждали, ждали. Мама думала, может, он в плену. И как читаем письмо, плачем...

В сорок седьмом закончила я семь классов кое-как. Только поведение было на отлично. Книг не было, тетрадей не было. У кого отец был, так и книги были. А безотцовщина — бескнижные. Плачу:

— Мам, не пойду в школу.

— Пойдешь.

— Не пойду, я уроки не выучила. Учебников нет...

Сидишь на уроке и за спину прячешься от учителя. А что она, не понимает, что ли? По русскому хорошо, чисто писала. На родительских собраниях мои тетрадки родителям показывали...

За теплой беседой, ужином и чаем засиделся допоздна.

По дороге в гостиницу размышлял о превратностях судьбы дочери капитана — типичной для детей войны, на долю которых вместо детских игр и забав выпали тревоги, голод, лишения и потери. В сорок втором чудом спаслась вместе с братом от минометного обстрела, а спустя семь лет, в сорок девятом, попала в отвоеванный у немцев, разбитый английской авиацией бывший прусский Кенигсберг. По выходным разбирала на комсомольских субботниках завалы разрушенных зданий. И всю жизнь прожила в этом городе, деля с ним печали и радости...

На следующее утро заехал на завод, поговорил с коллегами о производстве и о Калининграде. Попросил на несколько минут компьютер с интернетом, набрал в поисковой строке данные своего деда.

Удалось узнать, что он воевал в 42-й гвардейской Краснознаменной Прилукской стрелковой дивизии. Приказом по дивизии от девятого октября 1943 года от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР гвардии красноармеец такой-то награжден медалью «За отвагу» за то, что «в ожесточенном бою на правом берегу Днепра (значит, уже после переправы) огнем из ружья ПТР уничтожил 2 огневых точки противника, которые мешали продвижению наших бойцов».

Вспомнились заученные в школе строки из поэмы Твардовского «Василий Теркин»:

Переправа, переправа!
Пушки бьют в крошечной мгле.
Бой идет святой и правый...

«ПТР», как я с разу догадался, означало противотанковое ружье. Тут же выяснил, что это ружье вместе с патронами весило больше двадцати килограммов. С таким грузом бойцам приходилось преодолевать немалые расстояния, ходить в атаку и держать оборону. Во время стрельбы из-за большой отдачи поднимались клубы песка и пыли, служившие ориентиром для вражеского огня.

Пришла в голову поразительная мысль. Оба моих деда сражались за Родину. Они были одногодками — 1904 года рождения. Дед Егор попал на фронт с первых дней войны, защищал Ленинград. Дед Иван пошел воевать, когда немцы стояли за Доном, почти возле самого порога дома. Так совпало, что едва только былинный русский Иван вступил в бой, фашисты дрогнули, остановились и вскоре на всех фронтах начали откатываться назад.

Оба деда пропали без вести, когда в сражениях Великой Отечественной наступил коренной перелом и уже ни у кого не оставалось сомнений, что «враг будет разбит, победа будет за нами»...

Позвонил тете Маше, рассказал о награде Ивана Романовича. Она всплакнула, но быстро взяла себя в руки... Спросил, не нужна ли какая помощь, хотя бы в магазине сходить за продуктами. Она ответила, что справляется сама, и пожелала хорошей дороги...

Один из местных инженеров, увлекающийся нумизматикой, узнав, что я родился в Калининграде, подарил две десятирублевых монеты, выпущенных в честь города.

До поезда оставалось еще время, и я по совету коллег посетил Музей янтаря, а затем на автобусе поехал на Балтийское побережье в Светлогорск. Удалось отыскать в полосе прибоя несколько крошечных кусочков окаменевшей смолы, мокрых, просвечивающихся на солнце. Окунулся в море, хотя водичка в конце мая еще обжигаете холодна.

Затем — обратный путь домой через три границы под стук стальных колесных пар. Время от времени рассматривал десятирублевые монеты с надписью «Калининград. Древние города России», и на сердце становилось необыкновенно тепло.

ТЕТЯ ДУСЯ ИЗ КОЗЛОВКИ

В девятиэтажном панельном доме для слепых в Подмоскowie останавливалась у Евдокии Григорьевны, сестры моего деда Егора, пропавшего без вести на Ленинградском фронте, вся козловская и воронежская родня, время от времени ездившая в Москву «разогнать тоску», что с конца семидесятых подразумевало — за импортными «тряпками» и колбасой.

Я тоже время от времени у нее ночевал, когда приезжал в командировки на родственные предприятия и не успевал решить все технические вопросы одним днем — снять гостиницу в столице было сложно.

Как и все, называл ее тетей Дусей. Она почти ничего не видела, только могла различать очертания предметов. Говорила обычно нарочито недовольным тоном, грубовато, по-армейски, приказывала доесть полную миску щей с большим куском мяса или яичницу-глазунью из четырех яиц с вкуснейшей московской любительской колбасой, отчего я всякий раз невольно робел. В то же время чувствовал, что она относится ко мне уважительно.

«Как мать? Как Анька? Как Васька?..» — спрашивала по очереди обо всей родне и высказывала одобрительные или критические суждения о каждом.

Иногда рассказывала о многолетней работе на заводе общества слепых, но ее собственная жизнь оставалась для меня в тени. Она как будто ждала, пока я созрею для любопытства. И однажды, когда уже не стало второго мужа, тоже бывшего фронтовика, которого звала по фамилии — Перушкин, я начал ее расспрашивать о жизни.

* * *

— Родилась в Козловке. Мне было два месяца, когда мать умерла от тифа. Она как заболела, меня тетке Проске, двоюродной сестре, через окно передала. Та в свое одеяло завернула и унесла к себе. У нее самой было шестеро детей, шестую — девочку — тоже звали Евдокией. Тетка Прасковья нас обеих грудью кормила.

Через год отец забрал меня. В семье были еще старшая сестра и брат. Стала подрастать — начали приучать к хозяйству. Брат Егор овчину обдирал. Я говорю:

— Отдай мою норму, я не буду у вас жить.

— Не ори. Сейчас освежую и отрублю.

Егор старше на десять лет, тоже боевой был. Где Ишутины жили, на горке проводили кулачные бои, и он на них побеждал.

Через какое-то время отец женился на платоновской девице Евдокии Ивановне. Жена начала возить торговать в Москву вязаные перчатки, носки, да там и осталась. Потом через год написала: «Если я тебе жена, приезжай». Он нас бросил и поехал. Дядь Петька — брат отца — помогал.

В 1922 году отец приехал в отпуск и забрал меня с собой. Он конюхом-извозчиком работал. Жили поначалу за Крестьянской заставой, потом переехали на Осташковское шоссе. Я в общежитии убирала, котелок кипятила. С восьми лет начала подрабатывать нянькой в еврейской семье — играла с двумя детьми. За это кормили, давали деньги. Ко мне плохо относилась хозяйка.

Потом попала в другую семью. Там не обижали, отдали в школу учиться. Мир не без добрых людей.

После школы четыре года на «ЗИЛе» отработала. В 1936 году вышла замуж за военного, воспитанника детского дома. Взяла фамилию мужа — Шаталова.

Перед войной жила с мужем и двумя сыновьями трех и четырех лет в городе Замбруве в Польше. Бомбежка. Стучит боец:

— Товарищ старший лейтенант, тревога.

Думали, учебная. Оказалось — война. У второго от нас дома уже угол отлетел.

Под бомбежкой семьи комсостава на автомобилях эвакуировали в Минск. На одной из остановок пошла набрать воды, оставив детей в кузове. Вернулась — машины нет. Села на другую, попутную. Как налеты — выскакивали из машин, залегали на обочине. Потом надоело — убьют так убьют. Приехали в Минск. Один полковник оказался предателем. Приказывает:

— Поворачивайте назад, к границе!

Я говорю:

— Куда назад? Там же немцы прут, бомбежка.

А он выхватил пистолет из кобуры:

— Молчать! А то сейчас пристрелю!

Ох, уж лучше бы он меня тогда пристрелил. Старая стала, никому не нужна. Не живу, а мучаюсь.

Потом в военкомат пожаловалась, что дети пропали. Сказали, если живы, найдутся, дали команду грузиться на эшелоны и отправили в тыл. Планировали в Пензу, а попали в Урюпинск Сталинградской области. Проезжала Терновку, от которой до родной Козловки рукой подать, но не вышла. Подумала: будь что будет.

Из Урюпинска распределили по колхозам. Попала в хутор Успенка Нехаевского района. Приехала-то босиком, все вещи побросали. А уже морозы начались. Пошла в военкомат: так и так, мол, муж — старший лейтенант в действующей армии, аттестат не дали. Выдали 180 рублей, сказали, придет аттестат — высчитают. Купила в магазине мальчиковые ботинки и в них ходила.

Прислали в колхоз разрядку рыть окопы. Послали и меня. На окопы нагнали народу и быков. Быков оказалось слишком много, не хватало корма. Решили часть из них вернуть по колхозам. Увидели, что я в одних ботиночках, послали вдвоем с молодой девушкой.

Двоих быков запрягли в ходок, а третьего, подбитого, вели сзади по очереди. Лежали сугробы, ходок шел плохо, стал тормозить, колесо забилось, не крутится. В одном колхозе договорились с председателем поменять на сани. Тот согласился...

Идем дальше. Оглянулась назад — моя спутница идет одна.

— Где бык?

— Бросила. Скажем — сдох по дороге.

— Ты что? А если я скажу, что не сдох? Шустрая какая! Это народное добро и за него придется отвечать.

Вернулись, забрали. Он шел все хуже, подбитый был. Дошли до деревни, где стояли военные. Я к командиру:

— Вам бык не нужен?

Обрадовались, взяли.

— Только расписку напишите, а то как я отчитаюсь?

Написали.

Вышли из деревни под вечер, заблудились. Случайно увидели вдали огонек. Подумали: волки! Слыхала, что у них глаза горят. По огоньку набрели на деревню, из которой вышли. Пришлось заночевать в ней. На следующий день добрались до места. Председатель спрашивает:

— Где третий бык?

— Сдала военным, вот расписка.

— А ходок где?

— Ходок в Филоново. Поменяла на сани. Потом можно будет поехать обменять...

Опять стала работать в колхозе в Успенке. Сюда приехал полевой госпиталь. Огород насадила. Выкопала картошку. Принесли повестку в госпиталь. Госпиталь инфекционный, а работал как хирургический. Потом госпиталь уехал. Пошла в штаб.

— Дайте справку, что работала у вас, а то вернусь в колхоз, скажут, не работала.

— Приходите утром.

Утром сказали:

— Идите в военкомат. Там решили больше не набирать медперсонал в каждом новом месте, а выбрать лучших и взять с собой.

Выдали обмундирование, шинель, присягу приняла — и шли до самого Берлина. Была санитаркой, раненых под обстрелом вытаскивала с поля боя.

Особенно много полегло наших в последние дни войны. Немцы простреливали каждый сантиметр. Одного солдата завалило обломками. Подползаю — неподалеку еще раненый. Положила их друг на друга и ползком потащила. Рядом разорвался снаряд, меня контузило, верхнего солдата убило. В медсанчасть притащила одного. После контузии стало зрение ухудшаться.

Бои закончились — работала поваром.

Начальник госпиталя вызывает.

— Останетесь — пустим в отпуск.

— Нет, — отвечаю. — Я с семьей растерялась, поеду искать.

Хотели направить туда, где взяли, в Нежаевский район. Объяснила, что до войны жила в Москве, а в хутор попала в эвакуацию.

В 1946 году приехала в Москву. Жить негде. Дуська Тишкина, дочь тетки Прасковьи, которая нас обеих кормила грудью, помогла, приютила. Оформила на завод грузчиком. Работать в Мытищи из Пушкино ездила.

Сестра мужа в Подмосковье жила, я ей написала письмо, может, про брата что-то знает. Она сообщила, что он пропал без вести, и прислала сто рублей. Посылала поисковые запросы через военкомат в детские дома на пропавших при эвакуации детей. Безрезультатно. По малолетству, сыновья и фамилии могли не вспомнить.

Отработав год в Мытищах, перешла на Лосиноостровский электродный завод. На стройке кранов не хватало, раствор и плиты железобетонные на себе таскала по этажам. Стало зрение теряться. В цех перешла работать.

Затем на заводе в Обществе слепых тридцать лет отработала. Дали общежитие в Лоси, топили дровами, двенадцать человек в комнате. Потом получила комнату в коммуналке. Позже — однокомнатную квартиру.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За Победу», «За Ковель», «За Варшаву», «За Берлин», «Жукова», «850 лет Москвы». Все юбилейные. На работе получила медаль «За трудовое отличие» — ездила в Кремль получать.

* * *

Тетя Дуся хлебнула горя, но сумела сохранить человечность и доброту. Покупала и дарила слепым соседям по дому сувениры, конфеты и фрукты на Новый год. Старалась поддержать добрым словом и подбодрить. Могла поругать пьющего мужа соседки. До всего было дело этой простой русской женщине.